

Хабенская Е.О.

СЕНЕГАЛ И ГВИНЕЯ-БИСАУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАЗАМАНССКОГО КОНФЛИКТА (1959–1998 ГГ.)

Аннотация. Объектом исследования стала ситуация в Казамансе (южной провинции Сенегала, культурно и исторически тяготеющей к Гвинеи-Бисау), которая на протяжении десятилетий является главным фактором, влияющим на эти отношения. Предметом особого внимания автора — политические, идеологические и культурные детерминанты напряженности в отношениях двух стран. Основной причиной этой напряженности автор считает принципиальные различия идеологических ценностей и, соответственно, политических ориентаций правящих элит Сенегала и Гвинеи-Бисау. Особая острота конфликта в Казамансе, по мнению автора, обусловлена прозрачностью границ и социокультурной, лингвистической и конфессиональной близостью родоплеменных групп (диола, баланте, мандинго), проживающих на сопредельных территориях. С помощью метода исторической реконструкции автор анализирует динамику взаимоотношений двух соседних стран западноафриканского региона в контексте многолетнего конфликта в Казамансе — южной области Сенегала, сопредельной Гвинеи-Бисау и претендующей на сецессию. Автор приходит к выводу, что характер взаимоотношений двух государств во многом зависел и от их внутренней обстановки: Гвинея-Бисау, которую постоянно «лихорадило» от военных переворотов и смены лидеров, демонстрировала нестабильность в своем отношении к сепаратистскому движению в Казамансе. Однако, общие проблемы безопасности и контроля над приграничными территориями заставляли лидеров двух стран преодолевать идеологические противоречия и объединяться для совместных действий против сепаратистов.

Ключевые слова: политика, общество, Франция, государство, Сенегал, Гвинея-Бисау, Казаманс, Африка, пограничный конфликт, сепаратизм.

Review. This article explores the situation in Casamance (a southern province of Senegal, which gravitates towards Guinea-Bissau, both culturally and historically), which, across several decades, is a major influencing factor. The author's attention is focused on political, ideological and cultural determinants of the tensions between the two countries. The main cause for those tensions, according to the author, are fundamental differences of the ideological values, and thus, political orientations of the ruling elites of Senegal and Guinea-Bissau. The intensity of the Casamance conflict, according to the author, is explained by the transparency of the state borders, and the social, cultural, linguistic and confessional kinship of the tribal groups (Diola, Balante, Mandingo), living in adjacent territories. Using the method of historical reconstruction, the author analyzes the dynamics of the relations between the two neighboring countries of the West African region in the context of the prolonged conflict in Casamance - the southern Senegalese province, bordering on the Guinea-Bissau and claims to secession. The author concludes that the nature of relations between the two countries largely depended on their domestic situation: Guinea-Bissau, which is constantly in a «fever» of military coups and leadership changes, has demonstrated an inconsistent position towards the separatist movement in Casamance. However, the mutual problems with security and control over the border areas of the two countries, the leaders were forced to overcome ideological differences and cooperate against the separatists.

Keywords: Africa, Casamance, Guinea-Bissau, Senegal, state, France, society, politics, border conflict, separatism.

В отношениях Республики Сенегал с Республикой Гвинея-Бисау (РГБ), внешне вполне добрососедских, после победы в Гвинеи-Бисау марксистской Африканской

партии независимости Гвинеи и Кабо-Верде — ПАИГК (African Party for the Independence of Guinea and Cape-Verde — PAIGC) многие годы существовало латентное идеологиче-

ское и политическое противостояние. Официальный Дакар в лице ориентированного на западные ценности президента Л. Сенгора в период длительной войны за независимость Гвинеи-Бисау поддерживал немарксистский Фронт освобождения и независимости Гвинеи-Бисау — ФОНГБ (Front for the Liberation and Independence of Guinea-Bissau — FLING), в то время как население Казаманса (пограничной с РГБ области Сенегала) сочувствовало партизанам ПАИГК. На территории южной провинции Сенегала втайне от правительства располагались тыловые базы ПАИГК, а сами партизаны находили здесь массовую поддержку населения, помогавшего не только кровом и провиантом, но и личным активным участием в вооруженной борьбе с португальским колониализмом ^[1].

Кроме идеологических противоречий отношения Республики Сенегал с южным соседом омрачали типичные последствия колониального прошлого: неурегулированность пограничных споров, полупрозрачность границы из-за «разрезания» территорий проживания родоплеменных групп. Произвольно прочерченная граница между бывшей французской и бывшей португальской колониями, разделившая на части группы диола, баланте, мандинго и др., часто — близких родственников, оказавшихся в разных государствах, делало пограничные кордоны в значительной степени условными. Это в полной мере «аукнулось» с началом конфликта в Казамансе. Сепаратисты ДДСК свободно перемещались через границу, имели на территории Гвинеи-Бисау свои тыловые базы со складами оружия, неизменную поддержку сородичей и возможность укрываться в периоды спецопераций сенегальских войск.

Характер взаимоотношений двух соседних государств и их правительств в те или иные периоды зависел и от внутренней обстановки в этих странах. Гвинея-Бисау, которую с обретением независимости «лихорадило» от бесконечных военных переворотов и смены лидеров, демонстрировала нестабильность в своем отношении к сепаратистскому движению в Казамансе: от участия в совместных с сенегальской армией операциях против повстанцев до прямой или косвенной поддержки последних.

ГВИНЕЯ-БИСАУ: ОБРЕТЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

До конца XIX в. существовала единая колония — Португальская Гвинея. После франко-португальского договора 1886 г. ее территория была поделена между Францией, которой отошла большая часть — современная Гвинея, и Португалией, во владении которой осталась меньшая — Гвинея-Бисау. В отличие от многих африканских государств, независимость страна завоевала только в 1973 г. в результате десятилетней партизанской войны с бывшей метрополией (с 1951 г. колониальный статус был отменён, и территория считалась заморской провинцией Португалии). Борьбу за независимость все эти годы возглавляла партия марксистского толка — ПАИГК. Один из ее активистов — Луиш Кабрал (брат убитого в 1973 г. лидера ПАИГК Амилкара Кабрала) после победы возглавил Государственный Совет, а сама партия на долгие годы получила монополию на власть.

Подобно многим африканским республикам, Гвинея-Бисау пыталась строить социализм, введя плановую экономику, всеобщее образование и здравоохранение, а во внешней политике ориентируясь на СССР. В 1977 г. ПАИГК установила в стране государственную монополию на закупки и экспорт пальмового масла, зафиксировала единые закупочные цены на рис и арахис. В результате экономическое и финансовое положение и без того крайне бедной Гвинеи-Бисау, разоренной длительной войной, резко ухудшилось, что привело к росту социальных протестов.

Итогом стал бескровный государственный переворот 14 ноября 1980 г., во время которого Луиш Кабрал был свергнут председателем правительства Республики, бывшим партизанским лидером Жуаном Бернарду Виейрой (по кличке «Нину»). Глава государства был арестован, многие функционеры ПАИГК — отстранены от власти (в том числе — мулаты, выходцы с Кабо-Верде, которые были вынуждены покинуть страну). Провозгласив себя новым государственным лидером, Виейра пообещал проводить новую, лучшую политику. В 1986 г. страна вернулась к рыночной экономике, в 1989 г. была принята новая конституция, разрешившая в стране многопартийность. На первых много-

партийных выборах 1990 г. ПАИГК одержала победу с подавляющим количеством голосов. Сам Виейра оставался в должности председателя Госсовета до 1994 г., когда был избран президентом Республики.

СПОР ЗА ТЕРРИТОРИЮ И КРИЗИС 1989–1990 ГГ.

Отношения Сенегала и Гвинеи-Бисау обострились в августе 1989 г. после того, как правительство последней отвергло постановление международного арбитражного трибунала в Женеве о демаркации морской границы между двумя странами. В своем постановлении международный арбитражный трибунал поддержал притязания Сенегала на спорный участок океанского шельфа, богатый рыбой и, как тогда предполагали, нефтью. Власти Гвинеи-Бисау заявили, что этот вердикт носит «от начала и до конца тенденциозный характер и отвечает интересам Сенегала»^[2].

Начало «пограничному вопросу» было положено в 1959 г., когда правительство Салазара (премьер-министра Португалии в 1932–1968 гг.) отдало часть морской зоны, ранее принадлежавшей Португальской Гвинеи, в концессию транснациональной нефтяной компании «Эссо». При этом в контракте граница выделенного участка была определена отклонением на юг от крайней северной точки на побережье Португальской Гвинеи — мыса Рошо по азимуту 270°. После предоставления независимости Сенегалу, 26 апреля 1960 г. правительства Франции и Португалии оформили договор об установлении морской границы между Португальской Гвинеи и независимым Сенегалом. Уступая пожеланиям «Эссо», полученная ею в концессию зона была отнесена к Сенегалу, и разграничение было установлено по азимуту 240° от мыса Рошо. После провозглашения независимости в сентябре 1973 г., Гвинея-Бисау объявила о непризнании всех противоречащих ее интересам договоров и соглашений, заключенных Португалией в отношении ее территории, и поставила вопрос об урегулировании проблемы делимитации морских границ с соседними государствами. Переговоры с Сенегалом начались в 1977 г., а в 1978 г. Сенегал отверг претензии Гвинеи-Бисау, ссылаясь на франко-португальский договор 1960 г. Гвинея-Бисау,

со своей стороны, отрицала юридическую силу этого соглашения, так как оно было заключено без ее участия и не было ратифицировано Португалией. После нескольких бесплодных заседаний смешанной сенегало-гвинейской комиссии, оба государства пришли к соглашению о необходимости третьей стороны, и вопрос был передан в Международный арбитражный суд в Женеве. 31 июля 1989 г. суд вынес решение в пользу Сенегала, признав за ним спорную морскую зону, однако, подобный вердикт не удовлетворил правительство Гвинеи-Бисау.

В августе 1989 г. правительство Ж. Виейры обратилось в Международный суд в Гааге с просьбой отменить или признать частично недействительным решение международного арбитража, однако, данное обращение долгое время оставалось без ответа. Пытаясь склонить на свою сторону международное сообщество, прежде всего — страны Западной Африки, США и Португалию, руководство РГБ направило послания лидерам этих стран с обоснованием своей позиции по спорной территории. После передачи такого послания главе Ганы Джерри Ролингсу министр по социальным вопросам Гвинеи-Бисау Фиделиш Кабрал ди Алмада подчеркнул, что его страна делает все возможное, чтобы избежать войны.

Помимо дипломатических действий, правительство Бисау попыталось оказать давление на Сенегал, используя казаманский вопрос. Условием своего отказа от поддержки сепаратистов Казаманса правительство Гвинеи-Бисау выставило начало переговоров по использованию спорной морской зоны. Однако эти меры не подействовали — правительство А. Диуфа сохранило твердую позицию в пограничном вопросе.

С октября 1989 г. Сенегал приступил к реализации признанных за ним суверенных прав на спорную территорию: там начали работать рыболовные суда, имеющие лицензию на лов в сенегальских водах. Одновременно суда с гвинейской лицензией, которые пытались рыбачить в спорной зоне, задерживались и подвергались штрафу. Так, в январе — феврале 1990 г. ВМС Сенегала были задержаны и оштрафованы на крупную сумму за незаконный вылов рыбы японские и китайские суда с лицензиями, вы-

данными Гвинеи-Бисау. В качестве ответного демарша патрульные суда ВМС РГБ задержали и оштрафовали за незаконный лов в этом районе четыре сенегальских рыболовных судна.

В мае 1990 г. конфликт достиг апогея и вылился в вооруженные столкновения на границе. Ответственность за начало военных действий стороны, по очереди, пытались возложить друг на друга, стремясь заручиться поддержкой и склонить международное общественное мнение на свою сторону. По информации сенегальских СМИ, 19 мая военное подразделение Гвинеи-Бисау нарушило границу и обстреляло пограничный патруль Сенегала недалеко от населенного пункта Кап-Скирринг. Высланное на подмогу из Зигиншора армейское подразделение заставило гвинейских военных покинуть территорию Сенегала. По официальной информации сенегальского МИД, в ходе столкновений четверо сенегальских солдат были ранены и двое — пропали без вести. Комментируя пограничный инцидент, радио Сенегала сообщило, что десять дней назад было отмечено наращивание пограничных сил Гвинеи-Бисау в связи с чем Генеральный штаб сенегальской армии принял решение усилить патрульное наблюдение в пограничной зоне. Правительство Гвинеи-Бисау в свою очередь обвинило Сенегал в нарушении своих границ, утверждая, что именно соседняя страна явилась зачинщиком вооруженного столкновения. В заявлении правительства РГБ сообщалось: «В последнее время участились инциденты, вызванные нарушением морских, сухопутных и воздушных границ Гвинеи-Бисау сенегальскими военными» и подчеркивалось, что «Сенегал должен принять необходимые меры, чтобы покончить с нарушением суверенитета РГБ и не допустить военной конфронтации»^[3].

Рост напряженности на границе с Гвинеи-Бисау сопровождался обострением обстановки в Казамансе. В апреле-мае были отмечены нападения на приграничные блокпосты и таможенные терминалы, неизвестные устроили теракт, взорвав граниты в толпе молящихся мусульман на площади Гао в Зигиншоре. Средства массовой информации напрямую связывали события в южной области Сенегала с действиями боевиков ДДСК, а активизацию последних — с конфликтом между Сенегалом и Гви-

неи-Бисау. Однако руководство Республики Сенегал, опасаясь эскалации напряженности, уклонялось от прямых обвинений правительства РГБ в пособничестве сепаратистам. Так, в интервью газете «Солей» министр иностранных дел Сенегала Сейдина Умар Си отказался комментировать сообщения о том, что боевики «Аттики» укрываются на территории Гвинеи-Бисау. «Сенегал не хочет бездоказательно обвинять кого-либо, но если бы подобные факты были установлены, то это имело бы тяжелые последствия», — подчеркнул он. В то же время косвенные намеки на это постоянно звучали в заявлениях президента Абду Диуфа: «Сенегальские власти почти уверены, что к трагическим событиям причастна рука иностранных сил, которые хотели бы подлить масла в огонь конфликта в Казамансе»^[4].

Напряженность на южных границах Сенегала, переросшую в вооруженные столкновения армий двух стран 19–22 мая (в которых участвовали даже суда сенегальских ВМС) мировая пресса нарекла «мини-войной двух бедняков». Межгосударственный конфликт удалось быстро погасить дипломатическими средствами, поскольку ни одна из сторон не была заинтересована в дальнейшей его эскалации. Ни Гвинея-Бисау, ослабленная политическими и экономическими кризисами, ни Сенегал — испытывающий сложности как внутри страны (тяжелое экономическое положение из-за длительной засухи, рост социального недовольства, конфликт в Казамансе), так и на внешнеполитическом поле (затянувшийся конфликт с Мавританией, осложнение отношений с Гамбией). Обострение конфликта было преодолено при посредничестве президента Франции Ф. Миттерана. На встрече в Париже 24 мая 1990 г. представители двух стран договорились отвести войска на «разумное расстояние» от совместной границы. 29 мая в г. Сан-Домингуш на территории Гвинеи-Бисау между двумя странами было подписано коммюнике о мире. В документе не только снимались все спорные вопросы, но даже предусматривалось «укрепление военного сотрудничества между Дакаром и Бисау, включая регулярные встречи руководителей Генеральных Штабов армий двух государств и командиров приграничных военных округов». После подписания документа глава сенегальской де-

легации министр вооруженных сил республики Медун Фаль, напомнив о традиционно дружественных отношениях между двумя соседними народами, призвал считать произошедший инцидент «случайным событием». С такой оценкой согласилась и делегация Гвинеи-Бисау. В июне — июле 1990 г. была проведена серия переговоров с целью мирного разрешения пограничного вопроса. В ходе переговоров РГБ удалось разыграть «казаманскую карту» и добиться согласия руководства соседней страны вернуться к рассмотрению проблемы делимитации морской экономической зоны в обмен на свою помощь в урегулировании конфликта в южной провинции Сенегала.

На встрече министров внутренних дел двух стран в Зигиншоре в июне 1990 г. было принято решение о совместных действиях против сепаратистских организаций как Сенегала, так и Гвинеи-Бисау, а также о демаркации некоторых участков общей границы. На встрече начальников Генеральных штабов вооруженных сил сенегальская сторона настаивала на внесении в проект Протокола положения о допустимости пересечения границы в ходе преследования участников оппозиционных вооруженных формирований. Гвинеицы же согласились на фиксирование договоренности о совместных действиях в проведении подобных операций только в пределах своих национальных территорий. Результатом переговоров явилось подписание министрами иностранных дел в Бисау 27 июля 1990 г. Протокола о сотрудничестве в области обороны и безопасности. После подписания этого документа отношения между РГБ и Сенегалом вступили в полосу нормализации.

В качестве иллюстрации серьезности намерений Гвинеи-Бисау способствовать урегулированию конфликта в Казамансе президент РГБ во время своей поездки по приграничному округу Качео весной 1991 г. обратился к «мятежникам» с призывом сложить оружие и сесть за стол переговоров с президентом Сенегала Абду Диуфом. Ж. Виейра заявил прессе, что решительно осуждает сенегальских сепаратистов», провокационные действия которых наносят серьезный урон традиционно дружеским отношениям с Сенегалом. «В приграничных районах страны находится сейчас много сенегальцев, которым наша республика предоста-

вила убежище. Но некоторые из них, злоупотребляя нашим гостеприимством, ночью тайно пересекают границу для проведения подрывных акций в Казамансе», — подчеркнул президент Гвинеи-Бисау. Ж. Виейра предупредил об ответственности по всей строгости закона «лиц, замеченных в подобных действиях, а также тех, кто им помогают», добавив, что «нельзя допустить, чтобы гвинейская земля служила плацдармом для дестабилизации обстановки в соседних странах»^[5].

В июне — июле 1990 г. Ж. Виейра посетил Португалию и Францию и добился согласия руководства этих стран быть посредниками в решении вопроса о спорном секторе экономической зоны. В ходе этой поездки президент Гвинеи-Бисау также встречался и с А. Диуфом. Было достигнуто соглашение о создании расширенной сенегало-гвинейской комиссии по вопросу о морских границах, целью работы которой должен был стать поиск решения, удовлетворяющего интересы обеих сторон. Сенегальское руководство, не желая дальнейшего обострения отношений с южным соседом и опасаясь роста напряженности в Казамансе, согласилось на рассмотрение территориального спора в высшей международной судебной инстанции в Гааге. В ноябре 1991 г. гаагский суд вынес решение в пользу Сенегала, подтвердив правомерность решения арбитражного суда от 31 июля 1989 г. В связи с вынесением вердикта этой инстанцией официальный Дакар сообщил о намерении «немедленно осуществить контакты с братской страной Гвинея-Бисау», чтобы найти окончательные решения «неурегулированных элементов» проблемы, а также определить основу «для расширения сотрудничества между двумя странами» в пограничных водах Западной Атлантики^[6]. Как позднее заявил в интервью парижской католической газете «La Croix» президент Абду Диуф, Сенегал согласился на повторное рассмотрение территориального вопроса.

В конечном итоге, Гвинеи-Бисау удалось добиться согласия Сенегала на совместную эксплуатацию спорного сектора морской экономической зоны, при сохранении на него суверенитета Сенегала. Основным ресурсом этой зоны являются пелагические породы рыб (тунец, макрель, ставрида, скумбрия

и т.д.). Что касается нефти, то рентабельность ее разработки на шельфе после проведенных в конце 1990-х гг. исследований была под большим вопросом. Таким образом, совместная эксплуатация спорной зоны не ущемляла серьезно экономические интересы Сенегала, а, напротив, соответствовала «Соглашению о сотрудничестве в разработке морских рыбных ресурсов» (подписанному прибрежными государствами Западной Африки, в том числе Сенегалом и Гвинеей-Бисау). Помимо прочего, документ устанавливал право преследования нарушителя в водах соседнего государства при условии уведомления последнего. (Вероятно, именно этим правом воспользовался Сенегал при задержании в водах Гвинеи-Бисау в январе 2014 г. российского траулера «Олег Найденов», обвинив его в ведении незаконного рыбного промысла неделей раньше на своей территории.)

Окончательно территориальные споры между Сенегалом и Гвинеей-Бисау были урегулированы в июне 1995 г. в рамках Соглашения, подписанного при содействии Португалии и Франции. Документ устанавливал паритетное право обеих стран на добычу нефти, других полезных ископаемых, а также вылов рыбы в бывшей спорной зоне. Дары моря должны были отныне делиться поровну между Сенегалом и РГБ, а «черное золото» — в соотношении 85% к 15%, соответственно. Соглашение предусматривало создание совместного предприятия, в котором 67,5% акций будет принадлежать Сенегалу, остальные 32,5 — Гвинеи-Бисау. Подписание этого документа стало серьезной уступкой со стороны Сенегала, который, по оценкам дипломатов пытался таким образом «заручиться поддержкой соседней страны в борьбе с сепаратистами Казаманса»^[7]. Однако обещания руководства Гвинеи-Бисау перекрыть свою границу для повстанцев ДДСК в дальнейшем оставались лишь «добрыми намерениями»: ни уровень гвинейской пограничной стражи, ни рельеф пограничной местности при всем желании гвинейских властей не позволяли им выполнять взятые на себя обязательства. Компетентным органам Сенегала постоянно становилось известно о контрабанде из Гвинеи-Бисау в Казаманс современных видов оружия и амуниции.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ГВИНЕЕ-БИСАУ 1998–1999 ГГ. И СЕНЕГАЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «ГАБУ»

Продолжавшаяся вооруженная борьба на юге Сенегала объективно приводила Гвинею-Бисау к косвенной сопричастности к событиям в Казамансе. Масштабные, зачастую ничем не обоснованные репрессии со стороны сил правопорядка и даже регулярных армейских подразделений вынуждали жителей провинции, огульно подозреваемых в сотрудничестве с сепаратистами, к массовому исходу на территорию соседних стран — Гвинеи-Бисау и Гамбии. Кроме того, сенегальским спецслужбам постоянно становилось известно о нелегальной транспортировке оружия с территории Гвинеи-Бисау в Казаманс. В начале 1998 г. проблема незаконных поставок оружия сепаратистам Казаманса спровоцировала глубокий политический кризис в высших эшелонах власти РГБ, который через несколько месяцев вылился в полномасштабную гражданскую войну.

Несмотря на реформы 1980-х — 1990-х гг. жизнь в Гвинеи-Бисау не стала лучше. Страна оставалась за гранью бедности, высшие чиновники обогащались за счет контроля над нелегальным бизнесом — торговлей оружием и наркотиками. Население, когда-то сплоченное вокруг единственной партии, начало «дробиться» по этническому и религиозному признаку: «зароптали мусульмане, к которым относит себя почти половина жителей Гвинеи-Бисау... заволновались баланте — крупнейшая этническая группа, составляющая около трети населения и широко представленная в армейском командовании»^[8].

Кризис разразился в начале 1998 г. в преддверии намеченных на этот и следующий год парламентских и президентских выборов в РГБ. 30 января начальник Генерального Штаба армии Гвинеи-Бисау генерал Ансуман Мане был отрешен от должности за «халатность» и «покрывательство» нелегальной торговли оружием, предназначенным повстанцам Казаманса. Этому предшествовал арест нескольких офицеров, подчиненных генерала, обвиненных в контрабанде вооружений в Казаманс. Популярный в армейских кругах А. Мане публично отверг все подозрения в свой адрес и в свою очередь обвинил в нелегальных поставках ору-

жия партизанам Казаманса министра обороны страны Самбу Ламине Мане, а также часть вины (за «покрывательство» контрабанды) возложил на президента Ж. Б. Виейру. Факты, изложенные в письме отставного генерала, стали предметом разбирательства специально созданной парламентской комиссии, итоги расследования которой должны были быть обнародованы в середине июня. За письмом бывшего начальника Генштаба последовали обвинения министру обороны в коррупции и требования его отставки со стороны полутора тысяч ветеранов войны за независимость Гвинеи-Бисау. Обращение ветеранов, однако, не получило официальной реакции, что еще больше накалило обстановку в армейских кругах. Пожилой партизан по имени Мамадинг Тчам, герой войны за независимость Гвинеи-Бисау в интервью корреспонденту «Associated Press» 29 июня 1998 г. хорошо передал настроения ветеранов, так называемых «камарадеш», эпохи 1960-х гг.: «Во время войны мы терпели лишения, но были счастливы, потому что мы были свободны». Все мужчины из его бывшего повстанческого полка вызвались добровольцами, чтобы сражаться против президента, который когда-то был героем революции, а теперь он «больше не с народом». В то время как большинство населения Гвинеи-Бисау имеет годовой доход от 150 до 250 долларов, президент Виейра утопает в роскоши, проводит уик-энды в Лиссабоне или Париже, летая туда на собственном самолете. Квинтэссенцией антипрезидентских настроений и своеобразным «гимном» революции стал новый хит популярного певца Жустино дель Гаду со словами: «Мы все вместе в одной лодке, если лодка пойдет ко дну, Нину, ты тоже пойдешь ко дну». Французский еженедельник «Jeune Afrique» в августе 1998 г. писал о том, что мятеж в действительности был спровоцирован делом о нелегальных поставках оружия сторонникам отделения Казаманса от Сенегала. Предполагаемый объем сделок по продаже противопехотных мин и автоматов АКМ не превышал нескольких десятков тысяч долларов, тогда как прибыли коррумпированных чиновников в этой одной из самых бедных стран мира, где жалование армейского офицера не превышает 150 франков КФА, исчисляются миллионами долларов.

Не дождавшись окончания парламентской процедуры, президент Виейра назначил новым начальником Генштаба генерала Умберту Гомеша. Этим жестом он окончательно восстановил против себя опального генерала Мане — своего бывшего друга и соратника по борьбе за независимость (с которого, к слову сказать, буквально через несколько дней были сняты все подозрения после оглашения резолюции парламентской комиссии, а в поставках оружия сепаратистам был в свою очередь обвинен президент Виейра)^[9]. Многие обозреватели увидели в А. Мане «козла отпущения», связывая его увольнение с вступлением Гвинеи-Бисау в зону франка и усилившимся в связи с этим давлением Франции и Сенегала, требующих остановить оборот оружия в Казамансе^[10]. Можно предположить, что президент Виейра, опасаясь, что растущее недовольство в армии может перерасти в мятеж под руководством имеющего непререкаемый авторитет генерала, попытался сразу «убить двух зайцев», устранив заодно опасного соперника. А возможно даже, что президенту стали известны какие-то факты о готовящемся перевороте. Так или иначе, для того, чтобы возложить на старого друга, которому обязан жизнью, заведомо ложные обвинения, у президента Виейры должны были быть серьезные причины (по армейской легенде, когда-то во время гражданской войны А. Мане вынес из линии огня своего раненого друга — будущего президента Ж. Б. Виейру и доставил его на плечах за много километров на базу повстанцев).

Назначение У. Гомеша новым начальником Генштаба и приказ об аресте А. Мане спровоцировали 7 июня 1998 г. военный переворот в Бисау под предводительством опального генерала, заявившего о намерении захватить власть и вернуть ее народу. В сложных экономических и политических условиях А. Мане возглавлял военный мятеж, объединив вокруг себя разрозненные группы недовольных властью: ветеранов войны за независимость, молодежь в поисках лучшего будущего, противников Виейры по партии и легальную оппозицию. В Гвинеи-Бисау фактически началась гражданская война, известная как «Война 7 июня», исход которой поначалу трудно было спрогнозировать. На стороне президента Виейры были легитимность и международное признание, включая безуслов-

ную поддержку со стороны Сенегала и Гвинеи и возможность, в случае крайней угрозы, рассчитывать на миротворческие усилия в рамках ЭКОВАС; на стороне генерала Мане — поддержка большей части армии и практически всех «*anciens combattants*» — бывших соратников в борьбе за независимость Гвинеи-Бисау от Португалии.

Уже через два дня сторонники А. Мане захватили военный комплекс Бра — в десяти километрах от центра столицы страны, взяли под контроль международный аэропорт и перерезали основные автомобильные дороги. Лояльные президенту немногочисленные воинские подразделения контролировали морской порт Бисау, правительственные и другие официальные здания столицы. Сам Ж. Виейра находился в президентском дворце под охраной четырехсот солдат личной охраны — выходцев из соседней Гвинеи (Конакри).

В этой ситуации глава РГБ обращается к руководству Сенегала с просьбой о немедленной военной помощи, в соответствии с существующим между двумя государствами Договором о взаимопомощи. В тот же день премьер-министр Сенегала Хабиб Тиам провел экстренное заседание «кризисного кабинета» с участием высшего руководства и офицеров сенегальской армии и спецслужб: было принято и одобрено президентом решение о немедленном вводе войск в соседнюю страну для проведения операции «по восстановлению демократии» в Бисау под кодовым названием «Габу»^[11]. Операцию «Габу», несмотря на ее неудачу, исследователь Винсент Фуше впоследствии назовет «одной из самых впечатляющих инициатив внешней политики, предпринятых независимым Сенегалом»^[12]. Как ни парадоксально, название операции, предпринятой, главным образом, с целью подчинения Казаманса, восходит к исчезнувшей в XIX столетии империи Габу, объединявшей территории современных Гамбии, Казаманса и Гвинеи-Бисау. Именно к этому обстоятельству апеллировали идеологи ДДСК, утверждая, что Казаманс не имеет исторического отношения к Сенегалу. Сторонники независимости региона всегда мечтали создать ось трех «Б»: Банжул (Гамбия) — Бигнона (Казаманс) — Бисау.

Принимая решение о военном вмешательстве, Сенегал руководствовался, прежде всего, собственными интересами. При наилучшем исходе операции руководство страны рассчитывало на окончательное подавление повстанческого движения в Казамансе путем уничтожения на территории Гвинеи-Бисау остатков боевых групп «Атики» и их тыловых баз. «Программой минимум» было остановить мятеж в Бисау, чтобы хотя бы не допустить дальнейшего «раскачивания» ситуации в Казамансе, проникновения в южный регион Сенегала мятежных настроений и самих мятежников из РГБ.

10 июня 1998 г. из Казаманса в Бисау был переброшен экспедиционный корпус сенегальской армии численностью 2000 человек. В обеспечении последующих боевых мероприятий участвовали практически все корабли национального ВМС, а также гражданские транспортные суда. Из-за нехватки сенегальских военных специалистов к операции были привлечены французские военные техники (в соответствии с франко-сенегальским Договором о военнотехническом сотрудничестве).

Несмотря на молниеносное принятие решение об операции и стремительный ввод сенегальских войск, ситуация в Гвинеи-Бисау выходила из-под контроля законной власти страны буквально в считанные часы. Уже через два дня после начала мятежа верными президенту Ж. Виейре остались не более 10% численного состава национальной армии. Сторонники генерала Мане имели в своем распоряжении полный набор военной техники (танки, бронетранспортеры, грузовики) и даже авиацию, различные виды артиллерийского оружия (включая установки залпового огня), противотанковые и противопехотные мины и т.д. Кроме того, число сторонников опального генерала ежедневно пополнялось за счет проникавших с территории Казаманса партизан ДДСК, многие из которых знали и поддерживали А. Мане и его соратников еще во времена гражданской войны. Тогда десятки казамансцев, имеющих родственников и соплеменников в Гвинеи-Бисау, воевали за независимость на стороне ПАИГК.

Отсутствие времени на подготовку военной операции, неисправность техники, просчеты командования и, наконец, патриотический настрой большинства населения Бисау, поддер-

жавшего А. Мане и воспринявшего «в штыки» ввод войск иностранного государства на свою территорию — все эти факторы обусловили сокрушительный провал операции «Габу». Армия Сенегала понесла большие потери уже в первые дни военных действий в Гвинее-Бисау. К исходу первой недели операции стало ясно, что «блицкриг» не удался и что собственными силами сенегальцам не удастся в сжатые сроки помочь президенту Виейре восстановить контроль над страной.

В середине июля 1998 г. в процесс мирного урегулирования конфликта в Гвинее-Бисау активно включилось международное сообщество. На встрече в столице Кабо-Верде городе Прая главы государств-членов Сообщества португалоязычных стран (СПС) — Анголы, Бразилии, Португалии, Сан-Томе и Принсипи, Мозамбика — договорились создать контактную группу для содействия в восстановлении конституционного порядка в Гвинее-Бисау. В состав группы вошли главы внешнеполитических ведомств стран-членов СПС. Группа действовала совместно с ЭКОВАС, Организацией африканского единства и ООН. Контактную группу возглавил представитель Кабо-Верде (страны-председателя СПС). Усилия международного сообщества и международных организаций по мирному урегулированию конфликта, по сути, противоречили целям и интересам Сенегала, заинтересованного в силовом сценарии и военной победе над мятежниками, поддерживающими сепаратистов Казаманса. Именно поэтому на первых порах, пока еще оставалась надежда на успех операции Габу, Правительство Сенегала всеми силами препятствовало посредническим усилиям, направленным на прекращение военных действий в Гвинее-Бисау. Такие усилия последовательно предпринимали представители Гамбии, Анголы и Португалии ^[13].

В конце июля 1998 г. противоборствующие стороны при посредничестве СПС подписали «Меморандум о согласии», приостановивший боевые действия, а в конце августа 1998 г. — заключили Соглашение о прекращении огня ^[14]. Для контроля за соблюдением договоренностей президент Нигерии генерал Абубакар предложил направить в Бисау «разъединительный контингент» ЭКОМОГ (межафриканские силы по поддержанию мира в Либерии). На между-

народном уровне обсуждался также вопрос об увеличении поставок гуманитарной помощи населению Гвинеи-Бисау. За два месяца гражданской войны более 200 тысяч граждан этой страны были вынуждены покинуть свои дома ^[15].

После месяца затишья в начале октября перемирие было нарушено сторонниками Ансумана Мане — военные действия возобновились. По сообщению сенегальского Генштаба в конце октября антиправительственные силы при поддержке сотен боевиков так называемого Фронта демократических сил Казаманса фактически взяли в кольцо столицу Гвинеи-Бисау... грубо нарушив договоренность о полном прекращении огня, достигнутую 25 августа». Эта ситуация вызывала растущее беспокойство международных наблюдателей. По их мнению, нарушение договоренностей сторонниками Мане, склонного к установлению мира, свидетельствовало о том, что генерал больше не контролирует свои войска или, по крайней мере — часть экстремистски настроенных мятежников, выступающих за военное решение кризиса в Гвинее-Бисау.

В результате кровопролитных боев сторонники генерала Мане существенно расширили зоны, находящиеся под их контролем. Это вынудило президента Виейру в начале ноября согласиться на встречу с генералом. Подписанное 1 ноября 1998 г. в столице Нигерии — Абудже соглашение закрепило военную победу мятежников, контролирующих на тот момент свыше 90% территории страны. Документ предусматривал вывод иностранных войск с территории Гвинеи-Бисау и развертывание вдоль границы с Сенегалом «разъединительного контингента» ЭКОВАС. В миротворческой миссии приняли участие 1450 военнослужащих из четырех африканских стран: Бенин направил в РГБ 300 солдат, Гамбия — 150, Того и Нигерия — по 500 миротворцев ^[16]. В конце ноября стороны достигли согласия относительно численного состава будущего правительства национального единства. Разногласия возникли в вопросе выбора кандидатуры на пост премьер-министра страны. Решением вопроса о составе будущего правительства Гвинеи-Бисау занималась смешанная комиссия, в состав которой входили по три представителя от каждой из воюющих сторон. Политические партии бойкотировали

призыв президента Виейры определить возможных кандидатов на ключевой пост. Представители партий заявили, что «не может быть и речи о формировании правительства национального единства в условиях, когда на территории Гвинеи-Бисау находятся иностранные войска»^[17]. Ситуация вновь зашла в тупик, формирование правительства затянулось до начала следующего года. Миротворческий контингент ЭКОМОГ был введен в страну только в марте 1999 г., одновременно с возвращением на родину сенегальского экспедиционного корпуса.

Несмотря на все усилия, президенту Ж. Б. Виейре не удалось удержаться у власти — слишком большой размах приняли антипрезидентские настроения в стране. В апреле 1999 г. парламент республики (Национальное народное собрание) инициировал начало судебного преследования президента в рамках дела о незаконной продаже оружия сепаратистам Казаманса. За резолюцию проголосовали 74 из 90 депутатов РГБ.^[25] Заслушав доклад спецкомиссии, которая занималась расследованием дела, парламентарии потребовали привлечь к суду в 30-дневный срок вместе с президентом Виейрой, являющимся Верховным главнокомандующим вооруженных сил, еще около 40 военных, замешанных в незаконном бизнесе. В докладе говорилось, что глава государства несет, прежде всего, «моральную ответственность», так как располагал информацией, но «ничего не предпринял для пресечения» сделок. В то же время за недоказанностью вины генерала Ансумане Мане, которому за год до этого были предъявлены аналогичные обвинения, спецкомиссия рекомендовала восстановить его на посту начальника Генерального штаба вооруженных сил Гвинеи-Бисау. Сам генерал прямо говорил о причастности президента к незаконным поставкам оружия: «Я утверждаю, что президент Виейра есть первый делец в оружейном бизнесе в нашей стране. Это с его ведома с наших армейских складов оружие продавалось повстанцам Казаманса»^[18]. При этом А. Мане твердо отрицал информацию о том, что сепаратисты сражались на его стороне во время мятежа военных в Бисау: «Я всегда без колебаний был противником действий повстанцев в Казамансе, и все, кто меня хорошо знает, могут подтвердить, что я делал все для того, чтобы их искоренить»^[19].

У нас нет никакой возможности установить, в какой степени каждый из политиков (Виейра и Мане) искажали истину, делая те или иные заявления. Однако, по косвенным признакам, причастность президента РГБ к незаконному обороту оружия представляется более вероятной, чем генерала Мане. Президент Виейра рвался к власти и всеми силами пытался удержать пост, а фактически победивший в войне его оппонент не занял в новом правительстве даже предложенную ему прежнюю должность (начальника Генштаба). В свете этого утверждение А. Мане, что его целью является не удержание власти, а восстановление справедливости, представляется вполне искренним.

В мае 1999 г. военные Бисау во главе с Мане вновь подняли мятеж против президента, требуя его отставки. После отстранения от должности парламентом, опасаясь расправы, Ж. Б. Виейра укрылся в посольстве Португалии, а впоследствии выехал в Лиссабон. Генерал Мане, как и обещал ранее, не стал провозглашать себя новым главой государства, предложив этот пост спикеру парламента М. Бакай Санья, который должен был руководить страной в переходный период — до новых выборов^[20]. Это решение было принято на встрече с участием полевых командиров формирований А. Мане, лидеров политических партий и депутатов парламента. Новым главой Генерального штаба РГБ стал подполковник Вериссимо Сиабра Корреа^[21].

Из-за провала операции «Габу» правительству Сенегала не удалось в полной мере решить «параллельную» (а на самом деле — основную) задачу по ликвидации боевых групп ДДСК в Казамансе и на территории Гвинеи-Бисау. После возвращения сенегальского экспедиционного корпуса на родину, через некоторое время, боевые вылазки казаманских сепаратистов против военных и административных объектов в провинции возобновились. Можно предположить, что в течение длившейся более полугода гражданской войны в Гвинеи-Бисау, в обстановке того хаоса, которым сопровождаются любые масштабные боевые действия, для нелегальных торговцев оружием были созданы благоприятные условия для продолжения своего «бизнеса», и бойцам «Атики» удалось восполнить «потери» в вооружениях и подготовиться к новому витку противостояния с правительством.

Необходимо отметить, что во время военного переворота 1998 г. в Гвинеи-Биссау и с началом боевых действий сенегальской армии на территории соседнего государства политическое крыло ДДСК в лице аббата Сенгора заняло четкую позицию невмешательства в дела Гвинеи-Биссау. В директивном письме «всем лояльным руководству ДДСК вооруженным активистам» лидер Движения призвал не переносить вооруженную борьбу сторонников независимости Казаманса за пределы самой провинции и ни при каких обстоятельствах не пересекать границу Гвинеи-Биссау. Такая позиция руководства ДДСК вытекала из политической задачи сохранить международное реноме Движения, а также — из обоснованных опасений вмешательства в конфликт миротворческого контингента ЭКОМОГ, что могло привести к полной ликвидации не только тыловых баз, но и самих активистов ДДСК. Однако афишируемая сдержанность и «нейтралитет» политических лидеров ДДСК шли вразрез с действиями боевых групп «Атики» (которые реально не управлялись Сенгором), активно участвующих в боях на стороне антиправительственных сил в Биссау.

Новое правительство Гвинеи-Биссау активно включилось в процесс мирного урегулирования ситуации в Казамансе. В конце июня 1999 г. президент Бакай Санья заявил о готовности Гвинеи-Биссау выступить партнером Сенегала в решении конфликта в пограничной области. Это заявление было сделано после того, как неделей раньше А. Мане принял участие в сове-

щании лидеров ДДСК в Банжуле по выработке общей платформы в урегулировании конфликта в Казамансе.

РЕЗЮМЕ

Многие авторы начинают свои рассуждения о рубежах африканских государств с пассажа о фатальном несовпадении политических и «этнических» границ, усматривая в этом едва ли не главный источник конфликтов на континенте. Возникает иллюзия, будто бы в случае совпадения таких границ в Африке воцарились бы покой и порядок. Источник внутренних конфликтов, порождающих сепаратизм отдельных территорий и угрожающих целостности африканских государств, также традиционно видится в их «полиэтничности». ^[См. об этом: 22] Действительно, эту детерминанту пограничных конфликтов на Черном континенте следует принимать во внимание. Как признает американский исследователь Р. Петерс, «самые произвольные и неестественные границы в мире — в Африке и на Ближнем Востоке. Прочерченные своекорыстными европейцами, ... границы в Африке продолжают служить причиной смерти миллионов местных жителей» ^[Цит. по: 23]. Однако истинные причины территориальных претензий африканских государств друг к другу, так же как и причины кровавых конфликтов, коренятся в экономических, политических, идеологических устремлениях властных элит, по-прежнему находящихся под сильным давлением «великих держав».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. С. 28–39. 23. Filippov V. R. Africa in one hundred years // RUSSIAN INTERNATIONAL AFFAIRS COUNCIL. № 77 № 013839523 01.03.2013 24. Манойло А. В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской Весны. // Власть. 2014. № 4. С. 24–28. 25. Манойло А. В. Информационное противоборство в условиях психологической войны. // Закон и право. — 2003. — № 12. — С. 31–34.
2. Карпович О. Г. Идеологическая база сепаратизма в системе координат современной мировой политики // Политика и Общество. — 2014. — 11. — С. 1339–1352. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.11.12959.
3. Филиппов В. Р. Сердце Черной Африки: запланированный инфаркт // Международные отношения. — 2014. — 2. — С. 164–179. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.2.11643.
4. Манойло А. В. Сравнительный сепаратизм // Международные отношения. — 2015. — 1. — С. 98–108. DOI: 10.7256/2305–560X.2015.1.12671.
5. А. И. Петренко Саркози & Олланд: сравнительный анализ психологических портретов современных политиков Франции // Международные отношения. — 2012. — 1. — С. 139–144.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. S. 28–39. 23. Filippov V. R. Africa in one hundred years // RUSSIAN INTERNATIONAL AFFAIRS COUNCIL. № 77 № 013839523 01.03.2013 24. Manoilo A. V. Ukrainskii krizis i 'upravlyaemyi khaos': sled 'tsvetnykh revolyutsii' Arabskoi Vesny. // Vlast'. 2014. № 4. S. 24–28. 25. Manoilo A. V. Informatcionnoe protivoborstvo v usloviyakh psikhologicheskoi voiny. // Zakon i pravo. — 2003. — № 12. — S. 31–34.
2. Karpovich O. G. Ideologicheskaya baza separatizma v sisteme koordinat sovremennoi mirovoi politiki // Politika i Obshchestvo. — 2014. — 11. — С. 1339–1352. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.11.12959.
3. Filippov V. R. Serdtse Chernoi Afriki: zaplanirovannyy infarkt // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2014. — 2. — С. 164–179. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.2.11643.
4. Manoilo A. V. Sravnitel'nyi separatizm // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2015. — 1. — С. 98–108. DOI: 10.7256/2305–560X.2015.1.12671.
5. A. I. Petrenko Sarkozi & Olland: sravnitel'nyi analiz psikhologicheskikh portretov sovremennykh politikov Frantsii // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2012. — 1. — С. 139–144.